

УДК 821.161.1-053.6
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
0-66

Автор обложки Маргарита Чечулина (Greta Berlin)

Орлова, Серафима.

О-66 Голова-жестянка : [для ст. шк. возраста : 16+] / Серафима Орлова ; [авт. обл. М. Чечулина]. — М. : КомпасГид, 2019. — 280 с. ISBN 978-5-00083-560-9

Женя + трость = Жесть. Только Жесть минус ненавистная трость — это не будет прежняя Женя. Гипс сняли, в школу выпустили, шрамы заживают, но ничего уже не станет как раньше. Она теперь заперта в этом теле, которое всё время укачивает, которому больно, и холодно, и хочется драться. Заперта, как тот мужик в костюме робота с обзорным окошечком в груди. Женино окошечко, будто камера в телефоне, выхватывает из реальности кадры: белую бабочку, синие кеды, зелёных озоботов на красных деревьях. Трёхлитровую банку с мясом. Том Шекспира. Механического таракана.

Таракан прибежал из кружка робототехники. И с чего Женю туда потянуло? Руководитель неприятный — говорит с ней так, будто лучше Жени понимает, что творится у неё в голове. А в кружке малышня да ребята из школы во главе с Жениным бывшим — та ещё радость с ним сталкиваться. Хотя всё лучше, чем слушать, как родители обсуждают её за глаза, троллить брата или ловить на себе взгляды одноклассников, жалостливые и презрительные. Может, здесь получится заново собрать себя?

Серафима Орлова направляет на свою героиню жёсткий свет, показывает её со всеми недостатками и проблемами в эмоционально трудный период — и в то же время поэтизирует повседневность подростковой жизни. Следуя за Женей-Жестью по сюжету, словно по нарисованной на полу траектории для робота, начинаешь верить: у жестянки внутри бьётся настоящее, живое сердце. Повесть «Голова-жестянка», вошедшая в шорт-лист премии «Книгуру» и номинированная на премии им. В. П. Крапивина и «Лицей», по визуальной эстетике близка фильмам Даррена Аронофски и Сэма Мендеса, а исключительная психологическая точность роднит ее с книгами «Виноваты звёзды» Джона Грина и «Всё на свете» Николы Юн.

УДК 821.161.1-053.6
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Все права защищены. Никакая часть данной книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме без письменного разрешения издательства «КомпасГид».

ISBN 978-5-00083-560-9

© Орлова С. Ю., текст, 2019

© ООО «Издательский дом «КомпасГид», 2019

ВОСХИТИТЕЛЬНАЯ ПУСТОТА В ГОЛОВЕ

А ЕЩЁ ЗА НАМИ ЛЕТИТ КВАДРОКОПТЕР

Никогда не пинали по асфальту пустую консервную банку? Бамц! Банка с весёлым звоном прыгает по асфальту, прыгает, прыгает, останавливается — и тишина. Бамц! Прыгает, звенит, отскакивает от камней. Бамц! В четырнадцать лет такое бывает. Катишься куда-то, шарахаешься из стороны в сторону, наступаешь на грабли, бьёшься лбом о встречные столбы, звереешь понемногу. То есть не понемногу.

Вроде всё нормально, день как день, всё в порядке, а что-то дребезжит в голове, аукает, то ли на ногу наступили, то ли мир опрокинулся, то ли переходный возраст, но особо волноваться не стоит, перебесится — мука будет. Повесть Серафимы Орловой как раз про это. Не про то, что мука, а про то, что перебесится. Вот только перебеситься аккуратненько и без последствий мало у кого получается.

Ссоры, неразумные поступки и глупые выходки, обиды, которые нельзя забыть и трудно простить... Это принято называть «ошибки молодости». Кто их не совершал? Кто о них не жалел? А у кого получилось исправить хотя бы одну?

«Если человек не может исправить ошибку, значит, это не в человеческих силах». Так говорит один из персонажей «Головы-жестянки». Он прав. Но...

Как не совершить необратимых поступков? Как простить? Как жить с предательством? Вопросы.

«Голова-жестянка» именно об этом. О зиме, о роботах, не-много о джиннах. О хороших людях.

Героиня «Головы...» Женя хромает по зимним улицам, проблемы в повести поднимаются взрослые и нешуточные, однако настроение в книге летнее, светлое и просторное. Наверное, потому, что «Голова-жестянка» безусловно наследует традициям советской молодёжной прозы, в которой всё будет хорошо. И пусть читателя не смущают джинны и роботы, лютое прозвище главной героини, её трость и странные клички остальных: перед нами классическая история о переправе, о горении души, о вечных проблемах, которые не обойти. О том, что молодому человеку для того, чтобы пройти по минному полю от детства к юности, возможно, нужна помощь.

Так случилось, что в значительной части детской литературы последнего времени прослеживается чёткая тенденция противопоставления «мир взрослых — мир детей». Эти вселенные мало соприкасаются, а обычно и явно противостоят. Искренний мир детства категорически отторгает мир взрослых — пространство двоемыслия и стыдливых компромиссов. Происходит это и на страницах реалистических книг, и уж тем более на страницах сказки и фэнтези. Собственно, это хорошо, ценность детской литературы в её гайдаровской бескомпромиссности — за это и любим. Но бескомпромиссность вымысла из подростковых книг образ положительного взрослого, который в пору заносить в литературную Красную книгу.

В «Голове-жестянке» хороший взрослый есть. А сама Женя, то по-детски капризная и вздорная, то по-взрослому мудрая, чем-то напоминает другую Женю, гайдаровскую. Правда, Серафима Орлова, как любой хороший писатель и писатель современный, к своей героине решительно безжалостна. Иногда даже кажется, что вырुлить из сложившейся ситуации у Жени не получится никак. Зима. Лёд. Предательство. Выхода нет.

Но хорошие люди не должны остаться без помощи.

И спасательный вертолёт уже в пути.

Эдуард Веркин

ПРОЛОГ

ДЕНЬ, КОГДА Я ЖИВУ

Пора отправляться. Это чувство приходит намного раньше, чем появляется Димка, уставший ждать меня в раздевалке. Намного раньше, чем ребята заканчивают пробные попытки и уносят всё в карантин. Намного раньше, чем смешные мужики за моей спиной принимаются тосковать по школьным временам:

— Вот это я понимаю, вот бы нам такие штуки во время учёбы! А то у нас был тот ещё трудовик. Его звали Кондрат.

— Понимаю. Нашего звали Арнольд.

— Нет, Кондрат был нормальный, но всё равно не то.

Я их слышу как через вату. У меня отвратительно точное чувство времени. Я обычно просыпаюсь до звонка будильника, ненавижу эту свою способность.

Я не думала, что мне всё-таки станет страшно. Все старые симптомы вернулись: ноги трясутся, в животе крутит, колет под языком, голову будто сдавило железным обручем. В общем, тело напоминает кучу непонятно почему сцепившихся и враждебных друг другу механизмов. Как в борьбе

сумо, если бы она была не один на один, а устраивали бы общую свалку. Ну вот, я до того насмотрелась на борьбу сумо, что стала видеть в ней высокий смысл. А тут высокого смысла нет, это же легио, у них всё легко и конкретно.

Правда, ребята, которые работают с легио, не согласились бы со мной. Но я всё равно их подкалываю, когда общаемся. Беру пример с Тили. Он уже сегодня спорил с кем-то из легионцев на задних рядах стадиона, едва не сцепились. На самом деле робототехники мирные, просто Тиль всегда разжигает.

Так уж получилось, что легионцы и ардуинщики немножко в состоянии конкуренции. Ардуинщиков почти не было раньше, в этом году только в творческих проектах наконец появились, а соревнования пока полностью под легио. Я бы с удовольствием посмотрела борьбу сумо под «Ардуино». Да что там — я бы склепала что-нибудь к соревнованиям, но нет возможности.

Карантин кончился, теперь будут соревновательные попытки. Меня всегда смешит — не соревнования, а соревновательные попытки. То есть они пытаются соревноваться, а не пытаются победить.

Детали поправили, программы переписали, всё должно быть нормально. Но всё равно не у всех нормально. Вот судья в красной майке бросил монетку, вот мелкие пацаны выставили своих роботов на круглое чёрное поле. Запустили по отмашке. И у обоих лаг с датчиками; роботы, вместо того чтобы беспощадно выталкивать друг друга

с площадки, стали вертеться вокруг своей оси. Это не борьба сумо, а вальс получается.

— Ничья, — с широкой улыбкой произнёс судья.

— Правда? — обрадовались пацаны.

— Шутка. Ноль баллов. Удачи в следующем году.

— Ну-у-у... — надулись ребята, забрали вальсирующих роботов и пошли жаловаться к ограждению, на которое навалились человек двадцать родителей. Моя задача как волонтера следить, чтобы никто не прорвался на поле и не мешал судьям оценивать участников соревнований. Поэтому я отгоняю родителей за ограждение. Они меня не любят немножко. Некоторые. А другие спокойно относятся. Я бы ещё прогнала назойливых людей с бейджиками «Пресса», но нельзя, не поймут. Поэтому пресса шляется возле судей и задаёт отвлекающие вопросы. Я иду в сторону родителей, отпихнув попавшегося на пути фотографа.

Вот, кто-то опять стал прорываться на поле. Щекотка в животе усилилась, как всегда, когда происходит неприятное. Ещё одно на другое накладывается, конфликт на ожидание. Конфликт? Да, конфликт в разгаре.

— Тут с готовыми роботами приходят, с готовыми программами, а в регламенте написано, что надо собирать всё здесь, писать программу с нуля! — негодует высокая женщина с двумя детскими пуховиками в руках.

— Откуда вы знаете, что кто-то с готовыми программами пришёл? — я уверенно подхожу, заложив руки за спину. Женщина впивается взглядом в мою оранжевую волонтерскую футболку:

— Позовите мне судью! Я слышала! Тут обсуждают! Говорили, что старший мальчик написал программу для другого из команды...

— Кто говорил? — в таких случаях важно быть холодной и последовательной. Женщина растерялась, оглядывается:

— Вот тут рядом...

— Подслушивать вредно, ещё не то может померещиться, — говорю я с доброй улыбкой. Как нас учили, открывая зубы, а не поджимая губы. Ну, хоть и учили, я всё равно не могу, я улыбаюсь орущим людям так себе улыбкой. Женщина опешила, но всё-таки продолжает:

— Позовите судью!

И тут я вижу Димку. Он стоит в толпе родителей, которые временно забаррикадировали ему проход. Родители тянут шеи, высматривают своих детей на борьбе сумо, на гоночных трассах. И Димка высматривает. Только не детей, а меня.

— Сейчас я позову вам судью, — уступаю я. Лучше уступить, воспользоваться моментом и ещё немного оттянуть время. Этого делать нельзя, но я не могу противостоять щекотке в животе. Щекотка подсказывает, что лучше где-нибудь спрятаться. Передохнуть. Осознать. Потом уже выйти к Димке.

Но спрятаться я не успеваю. Димка заметил меня, он ни с чем не спутает мою причёску, которая сверху нормальная, а снизу — будто прополоскали в борще. Не в том смысле, что там морковка застряла, просто я всегда хотела

себе красные кончики, недавно сделала. Димка кричит мне в спину, перевесившись через ограждение:

— Жесть, я пришёл!

На такое я отзываться не буду. Хватит, старые времена безвозвратно уплыли. Я не оборачиваюсь, углубляюсь в толпу, притворяюсь, что ищу нужного судью. Расталкиваю очередь на шорт-трек. Очередь огрызается, защищает свои поделки.

— Жесть, пора, твоя очередь!

Я тщательно изображаю глухую тетерю, смотрю на соревнования шорт-трека, хотя щекотка в животе мешает мне получать удовольствие от наблюдений.

Опять, видимо, датчики не откалиброваны, робот соскакивает с широкой чёрной линии, нарисованной на белом игровом поле, подъезжает к краю и находит полоску скотча, которым поле прилеплено к резиновому покрытию. Ездить по скотчу ему интереснее, свет лучше отражается. Робот объезжает поле по периметру, находит кусочек разметки на резиновом покрытии, перебирается на голый пол и чешет со всей дури к зоне борьбы сумо, будто решил навалить соседям. Хозяин робота, хохоча, бежит за ним, но скорость высокая, догоняет не сразу.

— Женя, иди сюда! Волкова! Парни, позовите Волкову! Женя!

Вот. Женя, а не Жесть. Уже лучше, но идти-то я всё равно не хочу. Да, надо же судью позвать, а то там родители паникуют. Я продолжаю «искать судью» и отступаю ещё

глубже, в тренировочную зону, за столы для карантина. Прячусь за проходящего мимо журналиста, хоть чем-то они полезны, потом изящно ныряю под стол для карантина. Столы составлены вместе в длинную змею. Я проползаю под столами и оказываюсь на противоположном крае, у рекламных щитов, которые отгораживают дальнюю часть поля. Нахожу щель между щитами, пролезаю, иду направо, в сторону зоны с творческими проектами. Там много выгороженных ячеек, в каждой сидят дети — от дошкольников до ребят моего возраста — и представляют свои проекты, действующие модели изобретений. Вчера я сама там презентовала поливалку, кстати, высший балл дали, а сегодня прячусь в третьей с краю ячейке. Тут сидят мама и семилетний малыш, которые удачно не сдали куртки. У них проект мельницы на солнечных батареях, класс, жалко, что времени нет рассматривать. Я забираюсь с ногами на стул, сажусь и прикрываюсь чужой курткой под недоумённые возгласы хозяев.

— Извините, пожалуйста, мы играем. Я за вас проголодную потом, — обещаю я.

— Вроде уже большая девочка, чтобы играть, — говорит мама. А малышу всё норм, он хихикает и прячется под стул, на котором я сижу, и вопит:

— Ку-ку!

Ладно, долго так всё равно не просидишь. Интересно, где сейчас Тиля носит? Он бы обязательно что-то придумал с этим дурацким дежурством в гардеробе, избавил бы меня от него. Может, он временно сложил с себя волонтерские

обязанности и пошёл курить на крыльцо? Он умеет исчезнуть так, что никто его не хватится, кроме одного человека. Нет, не меня. Есть ещё один человек, которого Тиль не может провести. Вот, кстати, его бы мне и повидать, может, удастся уговорить на замену.

Я окидываю взглядом зону, где выставлены поделки. Судьи уже успели их оценить? Если оценка завершилась, он точно пошёл на крыльцо. Группа судей задержалась возле зоны, где сидят самые младшие, робототехники детсадовского возраста. Кажется, там не все. Не могу понять, считаю по головам. Нет, не все, пять из семи судей. Есть шанс, что он на крыльце.

Прохожу мимо секции дошкольников, вижу на одном из столов смешного человечка в плоской шляпе. Руки у него из водопроводных труб, тело из пенопласта. А голова — жестяная банка. Ну вот, мой портрет. Вот она, моя гремящая тревожная голова, которая не может успокоиться даже в такой счастливый день...

Я теперь точно знаю: счастье пахнет разогретым резиновым покрытием велотрека. Мы готовились к Робофесту полгода, и площадка чудесная, и сделать успели много, и я чувствую себя наконец полезной и на своём месте. Мешает лишь одна мелочь, фигня, которая брякает у меня в голове незакреплённой гайкой.

Наверное, человечек с головой-жестянкой должен двигаться, но стоит отключённым. То ли детсадовцы уже показали его комиссии, то ли не завёлся, то ли батарейки берегут. Не знаю. Я иду дальше, ловя обрывки диалогов:

— Пофикси механизм захвата, а то роняет кубик до того, как до базы доехать...

— Синяя изоленга — плюс сто пятьсот к прочности!

— Да нет, это не те боты, что на ноги вяжутся...

— У меня вычли баллы за то, что робот в сквоше ударил мяч сначала корпусом...

Где он может быть, где он может быть? Допустим, ловит волонтеров за курением. Зная его привычки, я отправляюсь к выходу из велоцентра. И угадываю безошибочно.

На крыльце солнце бьёт мне в глаза, аж слёзы выступили. Слишком яркое, весна скоро. С крыши хозпостройки напротив дворники скалывают громадные сосульки. Спихнулись, что мероприятие рядом детское и опасно, а ведь уже второй день Робофеста пошёл.

Я смотрю налево и вижу Тиля, который с виноватым видом тушит бычок. А рядом с ним, как всегда, в расстёгнутом пальто на морозе, стоит тот, кого я искала.

На свете много случайных вещей. Даже моё рождение. Я думаю, родители специально не планировали, чтоб в их жизни появился кто-то с таким вредным характером. Но вот встреча с этим человеком в моей жизни точно не случайна. Я помню. Два раза были знаки. Сначала бутылка, которую мы нашли с Приходькой. Из неё выпали детали, а Приходька надеялся на старинные монеты. Со скуки он стал придумывать, будто в бутылке сидит джинн и сейчас исполнит наши желания.

И ещё был второй раз, когда я чуть не задохнулась и что-то увидела на дне. Но началось всё-таки с Приходьки,

с него всегда начинается самое душераздирающее в моей жизни.

Я подхожу и утыкаюсь неслучайному человеку под мышку. И просто стою, вдыхая запах шерстяного пальто. Думаю, это меня немного успокоит.

— Женя, что-то случилось?

— Что случилось? — спрашивает и Тиль. — Чего-то ты зелёная.

Да ничего не случилось, просто не по себе, хотя я обещала, что всё будет нормально. Ещё немножко, и я им отвечаю. Сейчас. Сейчас.

— Ты что-то сказать мне хотела? — говорит Карин. Станислав Владимирович Карин, мой учитель, который научил меня всему-всему и ещё немного паять. Я по-прежнему стою, уткнувшись в его пальто, и чувствую вибрацию, которая расходится по его груди, когда он говорит. — Что с тобой? — его рука слегка хлопает меня по плечу. Меня берут за талию сзади, осторожно, как горячую кастрюлю. Это Тиль. Он отрывает меня от Карина и прижимает к себе. Интересно зачем. Тиль не очень чувствительный, чего это он.

Отвернув голову от Тили, я говорю Карину:

— Недавно одноклассника своего встретила, его зовут Виталий. Но все его зовут, короче, Страшный. Он сказал, что хочет взорвать школу. Можно я его к тебе приведу?

— Ты думаешь, я ему помогу взорвать школу? — Карин смеётся, как всегда, за бородой почти не видно. Только морщинки от глаз разбегаются.

— А что такого, — вмешивается Тиль, — я как-то помню, прихожу к тебе на занятие подмогнуть, а там целый пожар...

— Конечно, если замкнули плюс на минус. И не пожар, а всего провод один сгорел, — обрывает его Карин. — Покурил? Испортил организм? Доволен? Дуй работать, — Карин показывает на дверь велоцентра. — Женя, а ты, может, тоже курить собиралась, а эти разговоры для отвода глаз?

— Пошли, — Тиль пытается уволочь меня от сурового Карина, но я упираюсь.

— Сейчас, мне поговорить надо.

— Ладно, давай скорее только, — Тиль отпускает меня и входит в велоцентр. Дверью хлопнул громко, от души, чуть стёкла не повылетали.

Я стою. Карин сунул руки в карманы пальто, покачивается с носков на пятки. Киря от него эту манеру перенял, я теперь знаю. Киря — сын Карина, приёмный, правда. Оля уже после рождения Кирки с Каринным познакомилась. Такие подробности вряд ли дошли бы до моих ушей когда-то, если бы не Тиль. Он нередко сплетничает, а так бы я не догадалась.

— Можно я к тебе приведу Страшного? Витаса то есть. Ему на самом деле в школе плохо. Я слышала, Оля сказала, что ты вечно собираешь вокруг себя... Ну, странных всяких...

— Неважно, что там говорит Оля по этому поводу, — отвечает Карин, как будто наступая на мои слова, не давая договорить. Он очень быстро догадывается, что именно я скажу, поэтому часто так делает.

— Значит, можно привести?

— Если способности к технике есть, то пусть приходит.
Но ты же не за этим меня искала?

Его невозможно обмануть. Я делаю глубокий вдох. Потом выдох. Потом опять вдох. Нет, так не пойдёт, я же не в спортзале на лечебной физкультуре, нет смысла тренировать глубокое дыхание. Надо всё-таки как-нибудь сказать.

— Я чувствую себя не очень, можно домой пойти?

Карин внимательно смотрит на меня и говорит:

— Кажется, причина не в этом.

ДЕНЬ СГЛАЗА

Сложно поверить, что было время, когда я не знала Карина, и ещё сложнее поверить, что я видела его ещё до того, как мы встретились. Можно сказать, что в тот момент я тонула. Я знаю, у Макса не было такой цели, он просто немного не рассчитал, когда устроил мне головомойку.

Тот день никак не предполагал спасение утопающих: была совсем глубокая зима, в проруби я не купаюсь, в бассейн я не хожу. А на лёд уже потом вылезала. Я выскочила из автобуса, потому что опять укачивает. После сотряса часто так: колет под языком, рот наполняется слюной, а дальше или на свежий воздух срочно, или случится казус. Обойдёмся сегодня без казусов, а то родители узнают и в школу одну не будут отпускать, надоело.

Идти мне пока трудно, до школы никак не меньше четырёх тысяч шагов. Когда я ещё плохо ходила, я так мучилась, что подсчитала их, мы как раз от дальней остановки ходили с мамой к школе, разрабатывали мышцы.

Но лучше четыре тысячи шагов, чем опозориться в автобусе. Пойду по набережной, так приятнее.

И тут, на подступах к школе, меня посещает удача. Хорошо, что я выскочила из автобуса, а то бы так и не столкнулись. А нам как раз надо поговорить.

Приходька. Бредёт по набережной в сторону школы, тебёя завязки на шапке. До урока полчаса, торопиться совершенно некуда. Я не зря морально готовилась к этому моменту, так что не стала раздумывать и сразу пошла к нему, так быстро, что даже залезла ногой в сугроб. Подошла и спрашиваю:

— Что, открыл край карты?

Он немножко побледнел, но ответил:

— Сейчас зима.

— И что? — говорю. Действительно, и что, разве туда сложно пробраться зимой? Не намного сложнее.

— Ты меня извини, Жесть, — еле слышно произносит Приходька. — Я бежал. Я так быстро, как мог, бежал. Я сразу всех позвал.

Зря он меня Жестью назвал. Это прозвище у меня недавно, и, в принципе, оно мне нравится, но от Приходьки его слышать неприятно. У меня уже не просто иголки, а прямо потоп во рту — от нервов. Но нужно договорить до конца.

— Бежал? Завидую тебе.

Он совсем замолчал, побледнел. Смотрит искоса, через очки. Есть у меня такая нехорошая привычка: люблю человека додавить, когда он виноват.

— А побеги сейчас, Приходька, — советую я ему. — Побеги, приятно посмотреть будет. И тебе легче станет, и мне.

И он послушался. Но только сначала он меня ударил.

Несерьёзно ударил, скорее пихнул в бок, пуховик спружинил. Я пошатнулась. И он потом действительно почти убежал.

Не убежал, но очень быстро пошёл, пока не скрылся из виду, а я села на скамеечку на набережной, опустила голову и стала плевать между ботинок, чтобы ликвидировать потоп.

Что-то плохо у меня получается проблемы решать. Хотела же поговорить, а вместо этого напугала. В школу мне идти расхотелось, конечно. Сначала в автобусе чуть не укачало, потом Приходька. Короче, у меня моральная травма и ухудшение самочувствия. Вот расхотелось, и всё. Взяла и обнаглела. Так что я вернулась домой.

Пришла я домой, и тут меня что-то торкнуло. Я залезла в кладовку, вынула качельки старые и привесила их к дверному косяку возле входа в кухню. Я в них уже не очень могу качаться, ноги отросли. Это дед так говорит, будто раньше у меня ног вообще не было, а тут появились. Я сидела в качельках, поворачивалась вокруг своей оси то в одну сторону, то в другую, пока веревки позволяли, и немножко скрипела. Я себя представляла висельником. В детстве я видела такой спектакль, там два хитрых брата притворились висельниками, они вот так же на верёвках качались.

Я сидела и скрипела на детсадовских качелях, смотрела на коридор и на входную дверь, и тут в замке повернулся ключ. Для мамы с папой рано, значит, пришёл из школы Макс. Он что, тоже сбежал с уроков? Мы вообще-то в одну смену учимся.

Макс был не один, вот почему он так рано явился. Ему надо было, чтоб родители отсутствовали, и я тоже. Нередко мы одновременно выходим в школу, но сегодня он усвистал раньше и вот почему-то появился раньше времени дома. Будет ему неприятный сюрприз. Я перестала скрипеть, а они возились в коридоре, девочка спрашивала, как у нас тут закрывается, а Макс сказал, что сам закроет, и прижал её к курткам на вешалке. В смысле, девочку, а не дверь, дверь-то он закрыл.

Вот они там пыхтели, и вдруг Макс сказал:

— Ай.

И ещё всякие другие слова, которые никогда бы не произнёс в присутствии родителей.

— Извини, она расстегнулась, это от сглаза я ношу, я уберу сейчас, — говорит девочка. А девочка-то не промах. И она дальше говорит и вроде смеётся: — А в девятнадцатом веке рекомендовали дамам, которые в поезде ездят, булавки держать во рту.

— Это зачем? — не выдерживает Макс, хотя его сейчас совсем не занимают мысли о девятнадцатом веке.

— А когда поезд входит в тоннель, там темно становится, и чтобы всякие джентльмены... — девочка не может договорить свою умную фигню, Макс ей мешает. Ртом и пальцами. Я решаю немного поскрипеть качельками.

Они отрываются друг от друга и смотрят на меня.

— Ты же в школе должна быть, — говорит Макс.

— Ты же тоже, — скриплю я.

— У нас биологичка заболела, — говорит Макс. — А потом физра, я освобождён, всё равно делать нефиг.

— У вас вообще, по ходу, сегодня биологии нет, — говорю я. — Сегодня четверг же, я помню ваше расписание.

— Недавно переставили, — Макс отчаянно напрягает мозги, чтобы половчее соврать, но тут девочке надоедает быть прижатой к курткам, она делает попытку распрямиться, и сразу ей на голову падает вешалка.

— Прости, извини, — говорит девочка Макс. Я хлопаю в ладоши. Когда они вылезают из-под курток, я говорю:

— Чаю? — потому что девочка забавная у Макса, ради неё я побуду доброй.

— Лучше кофе, — отвечает девочка, и я сразу думаю, что она не такая уж забавная, ну её, не буду вставать. — А ты кто?

— Я девушка Макса, — говорю. Макс кидает в меня тапкой, которую хотел надеть, бедняга, и забыл, что хотел. Я бросаю тапку обратно, стараюсь в лоб ему попасть.

— Это моя сестра, — говорит Макс и добавляет прилагательное, каким при посторонних не стоит называть сестру.

— Я девушка Макса, — продолжаю я, — у нас было романтическое свидание на крыше, мы выпили, и я случайно с крыши упала. Теперь я хромаю, жизнь моя разбита. Поэтому его родители взяли меня к себе жить и заботятся обо мне. И мы поженимся, когда нам будет по восемнадцать, родители проследят, чтобы Макс не сбежал.

Я встаю, чтобы показать девочке, что я правда хромаю. Это производит впечатление.

Макс корчится, как саранча на огне. То есть он стоит спокойно. А внутри, я чувствую, корчится. Года три назад было лето много саранчи, и пацаны из нашего двора играли